

Михаил Мартынов

Прецедентные феномены в русском анархическом дискурсе

Przegląd Wschodnioeuropejski 6/1, 131-140

2015

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

МИХАИЛ МАРТЫНОВ

Московский педагогический государственный университет

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В РУССКОМ АНАРХИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ¹

Precedential phenomena in the Russian anarchical discourse

Ключевые слова: прецедентные феномены, Бакунин, анархизм, креативность, деконструкция, идеология

KEYWORDS: precedential phenomena, Bakunin, anarchism, creativity, destruction – creation, ideology

ABSTRACT: The paper considers the phenomenon of precedence in the Russian anarchic discourse. The main attention is paid to precedential statements. The author shows conditions of functioning of precedential statements in texts of the Russian anarchism: the precedential statements necessitate wide cultural existence, they have to create new meanings and they need ideological justification.

Данная статья посвящена осмыслению феномена прецедентности в русском анархическом дискурсе. Среди различных прецедентных феноменов (прецедентная ситуация, прецедентный текст, прецедентное имя, прецедентное высказывание) основное внимание будет уделено прецедентным высказываниям. Одна из основных задач заключается в выявлении необходимых условий, при которых конкретное высказывание приобретает статус прецедентного в пространстве русского анархического дискурса.

1. Г р а н и ц ы ф у н к ц и о н и р о в а н и я п р е ц е д е н т н о г о в ы с к а з ы в а н и я. Прецедентное высказывание не должно иметь узких границ функционирования в рамках определенного типа дискурса, – в данном случае анархического. Прецедентное высказывание должно быть известно и понятно не только анархическому сообществу, но также и тем, кто не разделяет анархических взглядов. Иными словами, в основании

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00130) в Институте языкознания РАН.

прецедентного феномена должен находиться определенный общекультурный инвариант, делающий понятным данное высказывание всем представителям конкретной культуры. Прецедентные тексты являются своего рода маркерами общих фоновых знаний. Если бы прецедентные феномены были понятны только анархистам, то для вновь вступивших в их ряды требовался бы комментарий и расшифровка, что характеризовало бы высказывание не как прецедентное.

Например, в основе известного лозунга анархистов «Дух разрушения есть дух созидания» («разрушение есть созидание» и др. варианты), восходящего в своих истоках к знаменитому бакунинскому высказыванию «Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть!», лежат общеизвестные мифологические представления о порождающем хаосе: в мифе Космос рождается из Хаоса. Мифологическая сторона высказывания включена здесь в структуру общих фоновых знаний. Иным словами инвариантный смысл не является собственностью анархистов и высказывание М. А. Бакунина – это удачная вариация названной мифологической конструкции².

Высказывание Бакунина, как известно, появляется в последнем абзаце его статьи «Реакция в Германии», напечатанной в журнале А. Руге в октябре 1842 г. под псевдонимом Жюль Элизар (Elyzard 1842). Статья произвела тогда очень сильное впечатление и наделала много шума как в Германии, так и в России. Особую известность приобрела последняя фраза:

Дайте же нам довериться вечному духу, который только потому разрушает и уничтожает, что он есть неисчерпаемый и вечно созидающий источник всякой жизни. Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть! («Die Lust der Zerstörung ist eine schaffende Lust») (Бакунин 1935, 148).

Если сама статья была через какое-то время забыта, то высказывание Бакунина, получило широкую известность среди анархистов самых разных направлений и не только среди анархистов.

В этой статье Бакунин рассматривает диалектику отрицательного и положительного в связи с политической жизнью Германии. Отметим один существенный момент, связанный с отличием отрицательного от положительного. Согласно Бакунину, отрицательное определяет жизнь положительного, а не как-то иначе, т.е. подлинным существованием обладает одно только отрицательное. Положительное, «взятое само по

² Другой вариацией можно считать выражение «анархия – мать порядка», на котором мы здесь останавливаться не будем.

себе, не имеет права на существование; оно приобретает его лишь в той мере, в какой отрицает покой отрицательного» (Бакунин 1935, 140). Отрицательное существует только как «безоглядное отрицание» и только как таковое имеет право на существование и «абсолютное оправдание».

Сложные диалектические построения Бакунина, обеспеченные хорошим знанием философии Гегеля, не являются обязательными для понимания прецедентного высказывания. Иными словами инвариант высказывания, о котором мы говорили выше, не был порожден этим текстом, и возможно – предшествовал ему. На это указывает и то, что текст-источник был в последующем забыт, и то, что очень часто это высказывание использовалось в качестве эпиграфа к листовкам анархистов различных групп и направлений. Эпиграф в тексте занимает сильную позицию и как бы настраивает все последующее изложение в определенной анархической тональности. Последнее возможно при условии автоматического считывания смысла эпиграфа, что не характерно философскому тексту, и в частности, философскому тексту Бакунина.

Философский текст характеризуется напряженным антиавтоматизмом восприятия. Предельность философского текста (каждый философский текст нарушает предыдущую конвенцию) обуславливает невозможность подойти к восприятию текста исходя из каких-либо известных предварительных посылок, в том числе исходя из знакомства с другими философскими текстами (Азарова 2010, 172).

По всей видимости, философский текст заставляет прецедентное высказывание функционировать по-другому, производить другие смыслы, отличные от общеизвестных (философский текст в этом смысле аннулирует прецедентность). Например, в тексте современного философа Х. Хофмайстера разбираемое нами высказывание функционирует уже не как прецедентное – оно лишено автоматизма: «[...] не заключена ли в деструкции, совершаемой насилием, сила производить что-то новое. Не потому ли „удовольствие от разрушения должно быть одновременно и созидающим удовольствием“» (Хофмайстер 2006, 45)³.

³ В научном тексте, напротив, бакунинское высказывание функционирует как прецедентное. На это указывает, например, отсутствие обязательной для научного текста ссылки на источник, что характеризует фразу как общеизвестную. Например, см.: «Синергетика позволяет понять разрушение как креативный принцип, а „страсть к разрушению как творческую страсть“, о чем писал М. Бакунин, ибо только освободившись от прежнего, повернув процессы в обратную сторону, на противоположный режим, на осколках старого может быть создано что-то новое, привлекающее внимание» (Князева 2002, 65).

Автоматизм восприятия прецедентного высказывания «Разрушение есть созидание» подтверждается и почти полным отсутствием его критики, – в текстах русских анархистов она встречается в очень редких случаях. Например, в текстах А. А. Борового можно найти следующее замечание: «Убеждение, столь распространенное и столь легко дающееся, что само дерзание родит свободу, что акт разрушения уже сам по себе – есть сущность анархического самоутверждения – находится в зияющем противоречии с основными принципами анархизма» (Боровой 2009, 103). Боровой не приемлет дух разрушения в чистом виде. Он называет его «погромным духом» и отождествляет со «случайными и бесцельными взрывами толпы» (Боровой 2009, 20).

2. Прецедентные феномены и анархическая идеология. Здесь мы исходим из тезиса, согласно которому прецедентность какого-либо языкового явления зависит от определенных идеологических отношений. Это положение, скорее всего, не является универсальным и характеризует только политический дискурс, в рамках которого важно сопоставить идеологические основания анархизма и марксизма.

В современных работах, посвященных феномену прецедентности, иногда утверждается, что прямое цитирование классиков марксизма, свойственное советским пропагандистским текстам, является прецедентным феноменом (см.: Алексеева 2004, 150). Мы, однако, полагаем, что обязательность точного цитирования вождей партии является требованием определенной идеологии, которая не позволяет таким цитатам приобретать статус прецедентности.

В марксизме очень важное место занимает культ личности, как в области теории, так и практики. Марксистская политическая организация изначально строилась вокруг определенного лидера. В условиях конструирования, например, культа Ленина или культа Сталина цитата вождя не должна была функционировать в качестве копии. Логика созидания подобных культов личности требует сокращения дистанции между вождем и рядовым членом партии, что достигается, в частности, за счет т и р а ж и р о в а н и я , а не к о п и р о в а н и я⁴. В этом процессе отсутствует представление о единичности и прототипичности и соот-

⁴ Здесь для нас важно следующее различие между «тиражированием» и «копированием»: «Прецедентные феномены единичны и прототипичны. Изначально единичный образ может иметь множество „масок” (например, дядя Степа – это и милиционер, и человек огромного роста), но при этом сам феномен не поддается тиражированию, он может только копироваться. Это можно сравнить с альбомом по искусству: ведь репродукции, представленные в нем, – это не сами картины, равно как и многочисленные копии, написанные другими художниками, – это не оригинальное полотно» (Брилева и др. (ред.) 2004, 22).

ветственно высказывание не является прецедентным. Цитата в тексте советских печатных изданий должна быть тем же самым ленинским или сталинским словом, т.е. живым словом вождя, воспроизведенным в цитате. В итоге создается эффект реального присутствия вождя. Я. Плампер приводит немало примеров подобного эффекта, когда большинство советских людей никогда не видели Сталина, но были убеждены в обратном, – настолько Сталин сделался неотличимым от своего портрета (Плампер 2010).

По всей видимости, прямое цитирование не обязательно является прецедентным феноменом, хотя верно также и то, что парафраза не является универсальным маркером прецедентности. В политическом дискурсе прецедентность зависит от определенных идеологических установок текста. Есть установки по типу марксистских установок производства культа личности, не позволяющие известной цитате становиться прецедентной. С цитатами из произведений советских вождей, как известно, следовало обращаться очень осторожно: важна точность, важна узнаваемость – и узнаваемость не фразы, а личности, с которой эта фраза связана.

В текстах большинства русских анархистов можно наблюдать противоположные установки: например, отказ от точного цитирования. Это не т и р а ж и р о в а н и е подлинности, а и м е н н о к о п и р о в а н и е, как процесс воспроизведения оригинала, сопровождаемый неизбежными искажениями. Культ личности не обозначен в анархизме ни теоретически, ни практически, – особенности анархической идеологии (отрицание субординации, иерархий, централизации и др.) не позволили сделать, например, из Кропоткина и Бакунина неоспоримых авторитетов, а их тексты своего рода «партийной библией».

Например, вспоминая о своем пребывании в Юрских горах, П. А. Кропоткин описывает отношение юрских рабочих к Бакунину:

они «говорили о нем не как об отсутствующем вожде, слово которого закон, а как о дорогом друге, товарище. [...] В разговорах об анархизме или о текущих делах федерации я никогда не слышал, чтобы спорный вопрос разрешался ссылкой на авторитет Бакунина. Рабочие никогда не говорили: «Бакунин сказал то-то» или: «Бакунин думает так-то». Его писания и изречения не считались безапелляционным авторитетом, как, к сожалению, это часто наблюдается в современных политических партиях (Кропоткин 1988, 277).

Как нам представляется, особенности анархической идеологии определяют саму возможность собственно анархической прецедентности, т.е. такой

прецедентности, которая инициирована анархической деятельностью. В марксизме, как мы видели, из-за свойственной ему идеологии собственная прецедентность – невозможна.

Для доказательства этого тезиса, обратимся к анализу высказывания «Дух разрушения есть дух созидания» и на примере отдельных анархистских документов и материалов постараемся показать, что оно действительно является прецедентным.

Сразу же отметим отсутствие в анархистских текстах единого варианта высказывания Бакунина, как по причине немецкоязычного оригинала статьи, так и в силу ряда других причин.

Дело в том, что точность цитаты, как известно, не является обязательным условием прецедентности, в отличие от узнаваемости цитаты, т.е. узнаваемость является сущностной характеристикой прецедентности. Различные варианты цитаты в условиях узнаваемости инвариантного смысла характеризуют высказывание как прецедентное. Узнаваемость прецедентного высказывания всегда эксплицитна, т.к. оно является частью не только текста-источника, но также и частью общих фоновых знаний. Именно такие условия функционирования высказывания Бакунина мы и обнаруживаем в текстах русских анархистов.

Среди 500 различных источников, собранных в двухтомнике анархистских документов и материалов, вышеприведенная фраза Бакунина встречается, по нашим подсчетам, 59 раз в 17 различных вариантах. Встречаются конструкции от максимально упрощенных («Дух разрушения – дух созидания»), до развернутых («Наши противники великолепно знают, что в общественной жизни, как и в природе, нет разрушения без созидания, что каждая критическая, негативная сторона содержит еще в себе прямую, позитивную сторону, что разрушая – созидаем») (Анархисты 1998, 344)).

Среди исследованных нами текстов (см. выше) не было выявлено ни одного случая указания на текст-источник («Реакция в Германии»). В целом для прецедентных высказываний характерно, что текст, породивший прецедентное высказывание, может забываться. Обращение к прецедентному высказыванию «дух разрушения – дух созидания» или никак не атрибутировано или атрибуция осуществляется при помощи указания на авторство. Ссылка на Бакунина при этом не является обязательной и опять же не определяет узнаваемость этого высказывания. Ссылка на Бакунина дается в 29 случаях (преимущественно в эпиграфах), при этом она иногда дается за счет использования образных средств языка, за счет эпитетов, отражающих константное восприятие Бакунина в общественно-политической жизни («Время, когда бурливая, шумная, живая жизнь ломает мертвые формы прошлого, тогда человек поймет всю глубину слов

великого разрушителя: „Дух разрушения есть в то же время созидающий дух”», см.: Анархисты 1998, 79).

3. Многомерность прецедентного высказывания и его продуктивность. Прецедентное высказывание неизбежно порождает новые культурные смыслы, которые могут сопровождать относительно стабильный инвариантный смысл высказывания. Например, «страсть к разрушению» у Бакунина – творческая. Этот смысловой компонент может выступать в различных отношениях. Рассмотрим некоторые из них.

Во-первых, творчество осмысляется как несовместимое с властью. Творчество и власть исключают друг друга. «Всякая власть бессильна в деле творчества и сильна только в деле угнетения» (Анархисты 1999, 444). «Мы не признаем за властью творческой силы. Власть может только приписать себе народное творчество» (Анархисты 1999, 173). «Мы – анархисты не верим в творческую силу правительственной власти, даже искренно революционной» (Анархисты 1999, 65). «Всякая власть, как бы ни видоизменялась она, всегда являлась помехой для творческой деятельности коллектива» (Анархисты 1998, 491).

Во-вторых, творчество может пониматься как созидание. «Правительства обладают силой разрушения, но они не творят. Творят только массы, своим действием выковывая свою многогранную жизнь» (Анархисты 1998, 533). «На анархистах [...] лежит обязанность ясного выявления перед ищущими массами новых путей самостоятельного и безвластного революционного творчества и созидания» (Анархисты 1999, 338). «На всякой улице, во всякой деревушке, в каждой группе людей, сгруппировавшихся около фабрики или железной дороги, должен проснуться творческий, созидательный и организационный дух [...]» (Кропоткин 2004, 673).

В-третьих, творчество осмысляется как разрушение. Разрушительную энергетику творчества можно обнаружить у многих футуристов: «Видя в футуризме бунт, мы больше ничего не видим, и приветствуем его как бунт, приветствуем революцию, и тем самым требуем уничтожения всего и всех основ старого, чтобы из пепла не возникли вещи и государство» (Малевич 1995); «заумь – дикая, пламенная, взрывная» (Крученых 1992, 126). Связь анархии и разрушительной силы творчества ощущается и современной анархической мыслью. В небольшой заметке «Творческая страсть», опубликованной в анархической газете «Ситуация», творчество максимально сближается с разрушением: творчество – это преимущественное право тех, «кто разрушает все, что связано с определенностью. [...] Творчество штука

бескомпромиссная. И разрушать надо до конца, раз уж взялся. [...] Разрушение вообще дело веселое. Творческое» (Творческая страсть 2003, 4).

В четвертых, творчество может быть связано с идеей «неприятя мира», бегства от мира. Вообще, как отмечает Н. М. Азарова, «творчество, начиная с начала XIX века, мыслит в основном оппозициями, прежде всего оппозициями миров – мира творчества и иного мира. В идее творчества заложена идея *освобождения от* и как частный случай идея освобождения от мира» (Азарова 2008, 149). Идея освобождения от мира близка анархизму, особенно мистическому анархизму, который, как известно, своим существованием обязан творчеству Г. Чулкова.

Идея неприятя мира – идея мистико-анархическая [...]. Мистический анархизм до конца утверждает свою подлинную сущность только в этом споре *против мира данного* во имя мира, долженствующего быть, – так что идея неприятя является ближайшим определением мистического анархизма (Иванов 2007, 98).

В. И. Иванов оценивал скитальчество, бродячий образ жизни в качестве идеала «анархического отрицания общественного строя» (2007, 139). Об этом он говорил, разбирая поэму «Цыганы» и называя ее анархической поэмой. Табор цыган у Пушкина есть идеальный анархический союз, идеальная анархическая община. При этом скитальчество как отрицание мира и как достижение вольности обеспечено религиозным началом.

Эти размышления можно продолжить, приняв фундаментальное для религиозного сознания противопоставление Бога и мира. С. Булгаков в «Свете невечернем», характеризуя это противопоставление, отмечает, что вместе с открытием Бога открывается и новое ощущение мира как противоположного Богу, как удаленного от него, хотя от него зависящего, – и в этой удаленности происходит открытие несовершенства мира, его «относительности и греховности», в связи с чем «одновременно зарождается и стремление освободиться от „мира“, преодолеть его в Боге» (Булгаков 1994). С таким ощущением мира Булгаков связывает пессимизм, «мировую скорбь», но такой пессимизм в религиозном мироощущении – не самодостаточен, т.к. должен вести к пробуждению «от сна самодовольства и миродовольства».

Ортодоксальная линия православной веры не допускает абсолютного отказа от этого мира, и феномен ухода связан с трансформациями православной веры. Например, в старообрядчестве, среди беспоповцев, существовали так называемые странники или бегуны, посвятившие свою

жизнь странству, взявшие на себя крест странства в поисках безгреховного рая. При этом крест странства мог быть даже выше креста Христа (П. А. 1926, 24). Их бегство было связано с неприятием власти гражданской и церковной, объявленной основателем согласия бегунов старцем Евфимием антихристовой по природе. Бегство от мира, означало, по сути, бегство от власти Антихриста. Анархизм в данном случае – это не активная борьба с властью, а пассивное неприятие – бегство от власти русской церкви и русского государства.

В этом же ряду можно рассматривать и бегство от мира (в том числе и буквальное) Л. Н. Толстого, разделявшего анархические взгляды. Избавление от мира может пониматься и в духе К. Малевича, как беспредметность, которая так же по своей сути несет анархическое начало. Супрематизм Малевича, связанный с анархизмом, можно рассматривать как борьбу с государством: «[...] как бы мы ни строили государство, но раз оно – государство, уж этим самым образует тюрьму» (Малевич 1995).

Проведенный анализ позволяет говорить о следующих необходимых условиях функционирования прецедентных высказываний в русском анархическом дискурсе. Прецедентное высказывание должно иметь широкие культурные координаты своего существования. Оно должно обладать многомерностью и продуктивностью, т.е. на его основании продуцируются новые смыслы. Сама возможность прецедентности в анархизме должна иметь определенное идеологическое обоснование. Принципы анархического мирозерцания (отрицание авторитетов, субординации, иерархий, централизации и др.) делают невозможным совмещение прецедентности в анархизме с каноничностью, с различными клише и штампами. Рассмотренное высказывание Бакунина не является четко установленным образцом для подражания, оно задает лишь некоторый дискурсивный способ осмысления ключевых идей анархизма, в рамках которого, как в примере с творчеством, возможна бесконечная вариативность.

Литература

- Азарова, Н. М. (2010), Конвергенция философского и поэтического текстов XX-XXI вв. Москва.
- Азарова, Н. М. (2008), Рождение и творчество, [в:] Степанов, Ю. С. и др. (ред.), Творчество вне традиционных классификаций гуманитарных наук: Материалы конференции. Москва, 148–163.
- Алексеева, В. О. (2004), Прецедентные феномены современного российского политического дискурса, [в:] Гришаева, Л. И. и др. (ред.), Феномен прецедентности и преемственность культур. Воронеж, 149–153.

- Бакунин, М. А. (1935), Реакция в Германии, [в:] Бакунин М. А. Собрание сочинений и писем. 1828–1876 гг. В 4 т. Т. 3. Период первого пребывания за границей. 1840–1849. Москва, 126–148.
- Боровой, А. А. (2009), Анархизм. Москва.
- Брилева, И. С. и др. (ред.) (2004), Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь. I. Москва.
- Булгаков, С. Н. (1994), Свет не вечерний. Созерцания и умозрения. Москва.
- Иванов, В. И. (2007), По звездам. Борозды и межи. Москва.
- Князева, Е. Н. / Курдюмов, С. П. (2002), Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомыры. Санкт-Петербург.
- Кропоткин, П. А. (2004), Анархия, ее философия, ее идеал. Москва.
- Кропоткин, П. А. (1998), Записки революционера. Москва.
- Кривенький, В. В. (сост.) (1998), Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. В 2 т. Т. 1. 1883–1916 гг. Москва.
- Кривенький, В. В. (сост.) (1999), Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. В 2 т. Т. 2. 1917–1935 гг. Москва.
- Крученых, А. (1992), Кукиш прощякам: Фактура слова. Сдвигология русского стиха. Апокалипсис в русской литературе. Москва.
- Малевич, К. (1995), Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. Статьи, манифесты, теоретические сочинения и другие работы (1913–1929). Москва, 60–125.
- П. А. (1926), Анархические устремления в русском сектантстве XVIII–XIX вв., [в:] Боровой, А. (ред.), Очерки истории анархического движения в России. Москва, 9–36.
- Плампер, Я. (2010), Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. Москва.
- Творческая страсть (2003), Творческая страсть, [в:] Ситуация. 2, 4.
- Хофмайстер, Х. (2006), Воля к войне, или бессилие политики. Философско-политический трактат. Санкт-Петербург.
- Elyzard, J. (1842), Die Reaction in Deutschland, [in:] Deutsche Jahrbücher für Wissenschaft und Kunst. 247/251, 985–1002.